

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.19>

UDC 341.01
LBC 67.91

Submitted: 20.10.2023
Accepted: 20.11.2023

THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL LAW

Emil A. Karakulyan

National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction. The multidimensionality and plurality of doctrinal sources of the science of international law require a philosophical understanding of the main issues of international law. This is also due to the transitive nature of the current international system. **Purpose.** To define the conceptual framework for the subject field of the philosophy of international law. **Methods.** The research uses the general scientific methods of historicism, systematics, and analysis, as well as the comparative law method. **Results.** It is argued that the historical and conceptual (thematic) frameworks for the philosophy of international law can act as separate directions for meta-research. **Conclusions.** One of the central categories of the subject field of the philosophy of international law is the concept of international law awareness. The subject field of the philosophy of international law is formed taking into account the historical and conceptual limitations of the idea of universality in the structure of international law studies, as well as their metatheoretical orientation.

Key words: metatheory, metalaw, philosophy and science of international law, international community, human rights, teleology, civilization, eurocentrism.

Citation. Karakulyan E.A. The Conceptual Foundations of the Philosophy of International Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 144-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.19>

УДК 341.01
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 20.10.2023
Дата принятия статьи: 20.11.2023

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Эмиль Альбертович Каракулян

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: необходимость в философском осмыслении основных вопросов международного права проистекает из многоаспектности и множественности доктринальных источников науки международного права, а также из условий транзитивного характера современного состояния международной системы. **Цель:** определить концептуальные рамки предметного поля философии международного права. **Методы:** в исследовании использованы общенаучные методы историзма, системности, анализа, а также сравнительно-пра-

вой метод. **Результаты:** утверждается тезис о том, что историко-концептуальные (тематические) рамки философии международного права могут выступать в качестве отдельных направлений для метаправовых исследований. **Выводы:** одной из центральных категорий предметного поля философии международного права является понятие международного правосознания; предметное поле философии международного права формируется с учетом исторической и концептуальной ограниченности идеи универсальности в структуре международно-правовых исследований, а также их метатеоретической направленности.

Ключевые слова: метатеория, метаправо, философия и наука международного права, международное сообщество, права человека, телеология, цивилизация, евроцентризм.

Цитирование. Каракулян Э. А. Концептуальные основания философии международного права // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 144–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.19>

Введение

Многоаспектность и множественность доктринальных источников международного права (далее – МП) и его науки (далее – НМП), вопросы междисциплинарных отношений и взаимодействий в данной сфере нуждаются в оформлении соответствующих способов терминологического обрамления, категоризации и обобщений. В связи с этим и возникают такие методологические и метатеоретические ориентиры формирования НМП и решения сложных вопросов, как «философия МП» (далее – ФМП), «интегральный метод», «метатеория права» и др., выступающие в свою очередь способами и формами не только расширения масштабов анализа и синтеза историко- и теоретико-правового материала, но и основаниями для поиска и определения высших или предельных (метафизических) оснований и дефиниций.

К вопросу о предметно-методологических основаниях ФМП

Классика МП зарождалась и формировалась преимущественно в поле теологии и философии (философии права), современность – независимо от определений ее временных границ – в пространстве, главным образом, общей теории права в различных ее модификациях. Однако, вопреки тому мнению, что в Новое и Новейшее время понимание МП строилось, шаг за шагом, преимущественно в рамках позитивизма, не нуждающегося в обращении к философским основаниям, мы видим, что в специальной литературе (особенно в XX – начала XXI в.) вопросы, оставшиеся за рамками позитивизма, то есть, основные (смысловые) вопросы МП и международной жизни, продол-

жают находиться в центре международно-правовых и политических исследований в формах прямого и непрямого философствования, историко-правового теоретизирования, постановки методологических вопросов, – всего того, что позволяет выйти на возможно более высокий уровень и широкий охват обобщений. Подчеркнем: основные вопросы ФМП внутренне присущи истории международно-правовых учений (далее – МПУ) и НМП.

Чаще всего подобные (смысло-ориентируемые, телеологически организованные) направления исследований относят к жанрам политической философии, историко-теоретических и правовых исследований. Как бы то ни было, их развитие свидетельствует об известной ограниченности сугубо позитивистского подхода и о насущной потребности в философско-стратегическом осмыслении истории, теории и права международного сообщества (далее – МС). В специальном выражении промежуток между философией и позитивизмом (в сфере МП) может быть заполнен вопросами методологии. Более того, самые разные аспекты основных международно-правовых концепций, по сути, являются признаками явного или неявного стремления сформировать некую «методологию методологий», применимую к сфере международной жизни и нормативно-принципиально (юридический позитивизм) или идеально-ценностно (правовая метафизика) ориентируемую.

В зависимости от предпочтений и способностей к высшим уровням оценок в отношении культивируемых политических стратегий, МП часто рассматривается (преимущественно в западно-ориентируемой литературе) сквозь призму целого ряда тематических (историко-концептуальных) направлений теоретизирования и философствования, таких как

теология [6, с. 492–511; 10], евроцентризм [9, с. 329–336], цивилизационная сущность [5; 8], телеология МП [7, с. 3–34], то есть в рамках различных исследовательских стратегий, стремящихся по-своему формировать «верхние этажи» возможных обобщений. В то же время, данные направления становятся предметом критики или апологии, если не «размытым» фокусом безысходной амбивалентности международно-правовых суждений [8, с. 51]. Как бы то ни было, предметом философии МП становится та или иная форма международного, универсально ориентируемого, правосознания, а также соответствующие способы его концептуализации.

Историко-концептуальные контуры общей философии МП

Любой способ организации и критики историко-концептуальных форм МП и его науки, например евроцентризма, – в силу предельного состояния предмета критики – обращается соответственно апологией или критикой той рациональности, в рамках которой и формируется предметное видение. По нашему мнению, это означает, что различные способы и формы международно-правовой рациональности (исторической или актуальной) нуждаются в иных способах схватывания и выражения описываемой предметности, так как, схематически говоря, критика указывает на то, чего не должно быть, апология – на то, что нового быть не может. Возникает вопрос о том, каким образом может быть найден «третий путь».

Наряду с необходимостью расширения поля междисциплинарности в качестве одного из приемов интеллектуального «удержания» предмета, необходим и соответствующий ей уровень концептуализации правовых «вещей» и правовых «идей», где объем видения пропорционален подробности анализа его (объема) внутренней структуры. За организацию и степень стройности последней должна отвечать соответствующая методология, в отсутствии которой никакая концепция не может быть мерилем связности того, что можно отнести к отголоскам средневекового спора о «реальности» и «номинальности» категорий (универсалий). Можно утверждать, что сред-

невековый спор между так называемыми реалистами и номиналистами, по сути, не исчезающий и в сфере современной НМП, сегодня приобретает специфическое звучание. И та и другая сторона в данном споре по-своему отвечает на вопрос о соотношении «идеи» и «вещи». Однако насколько декларация о «реальности» международно-правовых понятий говорит об историчности их европейского происхождения, настолько обнажается и их условность для самокритичного европейского или критицистски альтернативного сознания. В этом смысле именно исторический концептуализм (в качестве альтернативы обеим крайностям уходящего в средневековые споры), может быть своего рода мерилем исторической ментальной и реальной эволюции, предметом которой становится, главным образом, структура международного правосознания, или различные способы его концептуального схватывания. В конечном счете предметом всякой правовой концепции и является определенный (со стороны действия различных факторов и обстоятельств) тип правосознания, возникающий в условиях протекания конкретно-исторических, «объективных мыслительных форм» [2, с. 86], а также конститутивных и системообразующих (для соответствующей системы права) процессов, их взаимодействия и суммы.

Если взять определенный тип правосознания в его исторической и концептуальной форме, то есть в максимально широком объеме его исторического и доктринального значения, то единицей измерения будет некий комплекс рациональных и нерациональных знаний (в форме того, что можно назвать «историческим концептумом», «феноменами исторически понимаемого-переживаемого», в рамках чего и осуществляется движение к рационализированным в той или иной степени формам отражения «духа» и содержания эпохи; на уровне правовой системы это отражается, в частности, в наличии определенной конфигурации позитивных и обычных источников права). Предлагаемый термин «исторический conceptum», охватывающий в данном случае правовые явления и идеи определенного исторического периода, отражает идею некоего мериле исторического производства и воспроизводства рассматриваемого вида

сознания (правосознания) и соответствующего ему бытия (право-бытия). Историко-концептуальная «разница» между «эпохами права» может показать меру нового (динамичного) и неизменного (статичного) в самосознании (правосознании) эпохи. Это означает, кроме прочего, что, если признается существование исторических форм международного правосознания, то это должно опираться на представления о действительности их исторического и актуального существования, то есть «право-бытия», которое можно без особых усилий – при условии допущения неизменных атрибутов исторического процесса (неких «констант прогресса») – увязать с категорией «метафизической формы легитимности» (легитимации) исторического существования и действия, осознание которой (легитимности) возвышается над любой системой институтов и институций, воплощаясь в причинных и целевых аспектах идентичности ее проводника или адепта. Метафизика международно-правового сознания как имплицитная часть международно-правового дискурса (исторически по происхождению и часто по содержанию – западного типа) проявляется, например, в таких концепт-категориях, как «европейская цивилизация», «прогресс», «права человека», которые на протяжении долгого времени и в определенной (западной) традиции играют роль неподвижных констант и «неотъемлемых» атрибутов истории МП. Иными словами, историческое доминирование метафизики МП западного типа сообщало всему миру о том, что такие категории, как «цивилизационность», «права человека», «прогресс» и т. п. могут быть исключительно западными по содержанию.

Как отмечал О. Эйхельман в 1885 г., перефразируя Ф.Ф. Мартенса (для которого, впрочем, «Современное международное право цивилизованных народов» было – вполне в духе эпохи – европейским «изобретением»), «основным законом развития всей истории международного права служит закон прогрессивного развития международных отношений. *Через это мы в состоянии понять всю историю как одно целое.* Непосредственным выражением этого закона является *начало уважения человеческой личности, которое проходит через “всю” историческую жизнь народов.*

Степень его признания есть мера развития международных отношений и права в известное время» [4, с. 8]. Разумеется, что именно и каким образом понимать под «прогрессивностью» и «мерой развития» – отдельный вопрос. Забегая вперед, можно сказать, что первое мы связываем с идеей поступательности и всесторонности, второе – с исторической формой международного правосознания.

Таким образом, в данном (исторически евро-западном) направлении науки МП утверждается тезис о прогрессивности как о неизменном свойстве истории МП, выражающемся в постепенном совершенствовании представлений о правах человека (причем, неизменно западного типа), которые становятся историко-концептуальным мерилom «движения вперед» и в то же время условий познания этого развития. При этом, действительно, идея неизменного «мерила», или способа измерения степени развития, присутствует в НМП, однако вопрос насколько верно ассоциировать его именно с идеей универсальности, прогресса или с идеей прав человека остается открытым (в рамках данных рассуждений), так как не всегда и не для всех одинаково ясно, что предшествует чему в анализе эволюции международно-правового сознания: универсализм или история МП. Очевидно, что идея универсальности (свойственная НМП) приобретает политико-правовое или тем более нормативное оформление лишь на определенном этапе развития МП, хотя ученые-международники и склонны порой рассматривать последнее через призму уже сформировавшейся идеи универсальности. По этому поводу можно отметить следующее.

С одной стороны, утверждается, что «универсализм, издавна (еще от стоиков и Цицерона) считавший разделение человечества на государства вторичным и отдавший приоритет интересам и правам человека, всегда был склонен апеллировать к моральным нормам и вечным нравственным идеалам как основе и побудительному мотиву международной политики, призванной способствовать... становлению единого сообщества, гармонично сочетающего универсальные ценности человечества с ценностями, правами и свободами индивида» [3, с. 109]. Иными словами, в этом видении универсальная идея присутству-

ет, скорее, как «вечный», «побудительный мотив», нежели логическое следствие и результат естественно-исторического развития.

С другой стороны, относительность и ограниченность универсализации подчеркивается, например, тем соображением, что «...ситуация с универсальными правами человека напоминает известный парадокс Рассела о множествах. Любые универсальные права человека не являются универсальными. Потому что они либо не признают права не признавать универсальные права, либо исключают из своей сферы того, кто их не признает» [1, с. 150–151]. Нечто подобное можно отнести в принципе и к международному сообществу как продукту универсализации: может ли оно, состоящее из множества лиц, ставить и себя в этот ряд в качестве лица? Очевидно, что в случае положительного ответа придется как минимум использовать оговорку «*suī generis*» – ради использования одноименного понятия, но на другом уровне или в иных обстоятельствах.

Кроме того, «интернационализм, особенно с XV–XVI вв... исходит из того, что интересы индивидов неизбежно опосредуются государствами. Поэтому он видит иной путь к достижению всеобщности – через развитие МП, создание и совершенствование международных институтов» (от себя добавим – необязательно универсальных по своей природе). В этом смысле, интернационализм «выходит за рамки либеральной традиции», стремясь «обосновать “коммунитарные” основы этического порядка в мире» [3, с. 110]. И в данном случае не столь важно, что данный тип интернационализма и призыв к сообществу формируется в условиях «упадка империи» (Британии) с целью противостояния «крайностям имперского господства» (США), через поиск диалога, пусть даже и ценой надгосударственности. Важно подчеркнуть другое: МП в этом видении понимается как продукт интернационализма, а универсалистские его аспекты могут складываться лишь *a posteriori* или в рамках другой (классически либеральной) политической традиции. Последнее находит свое выражение, в частности, в пресловутой концепции «мира, основанного на правилах», возникшей в рамках западо-центрического сознания по одним признакам в противовес интернационализму классическо-

го времени (под знаком «*internation law*» во всеобщем измерении), по другим признакам – выходящей за рамки последнего, выводя на первый план некие «правила», актуальные, однако, для совершенно определенного, то есть ограниченного, западного сообщества (*community*), но не всеобщего (по своим источникам и средствам) международного сообщества.

Выводы

Предметное поле ФМП формируется не только как реакция на транзитивность или кризисность международной системы, но прежде всего как отражение многоаспектности, множественности и междисциплинарности доктринальных источников МП и его науки, причем основные вопросы ФМП имплицитны истории МПУ и НМП. Основными тематиками теоретического или философского осмысления международно-правовой сферы в западной традиции становятся такие направления, как теология, евроцентризм, цивилизация, телеология МП. Являясь, по сути, выражением историко-концептуальных черт международно-правового сознания, данные стратегии в своем развитии тяготеют к метатеоретическому (метафизическому) описанию. В своем метафизическом измерении данные исследования не могут подняться над доминирующими формами рациональности, то есть не делая последнюю предметом осмысления.

Между тем методология философско-правового исследования требует определенного сочетания мысли о предмете ФМП, коим является историческая форма международного правосознания, и одновременно «мысли об этой мысли», коим является постановка вопроса о возможности и характере метатеоретических категорий при описании исторически-конкретного состояния международно-правовой системы и международной жизни в целом. В свете данных требований вырисовывается понимание исторической и концептуальной ограниченности идеи универсальности в структуре международно-правовых исследований, а также их метатеоретической направленности, вне рамок которой невозможно ответственное и сбалансированное развитие и наполнение предметного поля ФМП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгунский, Д. О текущем моменте и «архаике будущего» / Д. Драгунский // *Космополис*. – 2002. – № 1. – С. 150–151.
2. Маркс, К. Сочинения. В 30 т. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1960. – 907 с.
3. Цыганков, А. П. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: учеб. пособие для студентов вузов / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 236 с.
4. Эйхельман, О. О. К вопросу об истории международного права и истории его литературы / О. О. Эйхельмана. – Киев: Унив. тип. (И.И. Завадского), 1885. – 67 с.
5. Gerrit, W. Gong, *The Standard of Civilization in International Society* / W. Gerrit. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 267 p.
6. Koskenniemi, M. *International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde?* / M. Koskenniemi // *Constellations*. – 2004. – № 11. – P. 492–511.
7. Koskenniemi, M. *Law, Teleology and International Relations: An Essay in Counterdisciplinarity* / M. Koskenniemi // *International Relations*. – 2012. – Vol. 26 (1). – P. 3–34. – DOI:10.1177/0047117811433080
8. Koskenniemi, M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures)* / M. Koskenniemi. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/CBO9780511494222
9. Martineau, A.-C. *Overcoming Eurocentrism? Global History and the Oxford Handbook of the History of International Law* / A.-C. Martineau // *European Journal of International Law*. – 2014. – Vol. 25 (1). – P. 329–336. – DOI: 10.1093/ejil/chu017
10. Meier, H. *The Lesson of Carl Schmitt: Four Chapters on the Distinction Between Political Theology and Political Philosophy* / H. Meier. – Chicago: The University of Chicago Press, 1998. – 179 p.

REFERENCES

1. Dragunskij D. O tekushchem momente i «arhaike budushchego» [About the Current Moment and the “Archaic Future”]. *Kosmopolis*, 2002, no. 1, pp. 150-151.
2. Marks K., Engels F. *Sochineniya. V 30 t. T. 23* [Essays. In 30 Vols. Vol. 23]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1960. 907 p.
3. Cygankov A.P., Cygankov P.A. *Sociologiya mezhdunarodnyh otnoshenij: Analiz rossijskih i zapadnyh teorij: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories. Textbook for University Students]. Moscow, Aspekt Press, 2006. 236 p.
4. Ejhelman O.O. *K voprosu ob istorii mezhdunarodnogo prava i istorii ego literatury* [On the Question of the History of International Law and the History of Its Literature]. Kiev, Univ. tip. (I.I. Zavadskogo), 1885. 67 p.
5. Gerrit W. Gong, *The Standard of Civilization in International Society*. Oxford, Clarendon Press, 1984. 267 p.
6. Koskenniemi M. *International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde? Constellations*, 2004, no. 11, pp. 492-511.
7. Koskenniemi M. *Law, Teleology and International Relations: An Essay in Counterdisciplinarity. International Relations*, 2012, vol. 26 (1), pp. 3-34. DOI: 10.1177/0047117811433080
8. Koskenniemi M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. DOI: 10.1017/CBO9780511494222
9. Martineau A.-C. *Overcoming Eurocentrism? Global History and the Oxford Handbook of the History of International Law. European Journal of International Law*, 2014, vol. 25 (1), pp. 329-336. DOI: 10.1093/ejil/chu017
10. Meier H. *The Lesson of Carl Schmitt: Four Chapters on the Distinction Between Political Theology and Political Philosophy*. Chicago, The University of Chicago Press, 1998. 179 p.

Information About the Author

Emil A. Karakulyan, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of European and International Law, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky, Ashkhabadskaya St, 4, 603115 Nizhny Novgorod, Russian Federation, isoforma@yahoo.fr, karakulyan@jur.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-6601>

Информация об авторе

Эмиль Альбертович Каракулян, кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ул. Ашхабадская, 4, 603115 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, isoforma@yahoo.fr, karakulyan@jur.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-6601>